

Международный «круглый стол»
«Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

© 2005 г.

Х. Альвар

**ПОВЕРЖЕННЫЕ ИСПАНЦЫ. ОТНОШЕНИЯ РИМЛЯН
С ПОБЕЖДЕННЫМИ**

«Однако сама природа, я полагаю, доказывает, что справедливо, когда сильный имеет больше, чем слабый, и могущественный больше, чем тот, кто им не является» (Plat. Gorg. 483 c-d).

«Однако этот мир возможен только в том случае, если вы согласны выслушать его (Ганнибала) условия в сознании, что вы побеждены и что Ганнибал ставит их как победитель, если вы, памятуя, что победителю принадлежит все, согласны считать подарком то, что он оставляет вам, а не потерей то, что он у вас отнимает. Итак, он отнимает у вас город, который и без того уже в его власти, будучи в значительной степени разрушен и почти весь взят им; зато он оставляет вам землю, предоставляя себе указать вам место для основания нового города. Сверх того, он требует отдать ему все золото и серебро, находящееся как в общественной казне, так и у частных лиц; зато он обеспечивает вам жизнь, честь и свободу, как вашу собственную, так и ваших жен и детей, – если вы согласны покинуть Сагунт без оружия, взяв по две одежды на человека. Таков приказ победоносного врага, таков же и совет – совет тяжкий и грустный – нашей судьбы. Я со своей стороны не теряю надежды, что Ганнибал, видя вашу покорность, несколько умерит свои требования; но и теперь я полагаю, что лучше подчиниться им, чем допустить, чтобы враг по праву войны убивал вас или же перед вашими глазами силой отнимал и волок в рабство ваших жен и детей» (Liv. XXI. 13. 5–9¹).

Такова речь, которую Тит Ливий приписывает Алорку, солдату Ганнибала, но соединенному узами гостеприимства с сагунтийцами, которую он произнес накануне захвата города. В действительности, не имеет особого значения, какой конкретной ситуации соответствует это выступление; оно исключительно подходит в качестве введения для нашего намерения понять мотивацию, особенности и формы поведения победителей, поскольку вскрывает необходимые для этого предпосылки.

«Ганнибал ... со всем своим войском напал на город. В одно мгновение Сагунт был взят; Ганнибал распорядился предавать смерти всех взрослых (отпес

¹ Здесь и далее переводы даются по изданию: *Тит Ливий. История от основания города. Т. I–III / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1989–1993.*

ruberes) подряд. Этот приказ был жесток, но исход дела как бы оправдал его. Действительно, возможно ли было пощадить хоть одного из этих людей, которые частью, запершись со своими женами и детьми, сами подожгли дома, в которых находились, частью же бросались с оружием в руках на врага и дрались с ним до последнего дыхания.

Город был взят с несметной добычей. Много, правда, было сознательно испорчено самими владельцами; правда и то, что ожесточенные воины резали всех, редко различая взрослых и малолетних, и что пленники были добычей самих воинов. Все же не подлежит сомнению, что от продажи ценных вещей выручили значительную сумму денег и что в Карфаген было отправлено много дорогой утвари и тканей» (Liv. XXI. 14. 3–4; 15.1–2).

Несмотря на полную ясность изложения, в приведенных выше указаниях Ливия не видно убедительного объяснения причин, в силу которых варьировалась степень жестокости поведения римлян; почему, например, античный автор указывает, что Ганнибалом был отдан приказ убить всех взрослых (Liv. XXI. 14. 3)². Отдельные из возникающих вопросов имеют, по-видимому, легкие ответы и для читателя книги античного историка они очевидны; моя же цель состоит в попытке их обобщения на основе тех сведений, которые предлагают письменные источники³, предпринять своего рода экскурс в суть проблемы. Это намерение является нелегким в силу особенностей источниковой информации. Например, она с трудом позволяет воссоздать в диахронии формы поведения победителей; нелегко установить поведенческую парадигму как таковую и определить характер ее восприятия побежденными народами (как в историографии это было сделано, в частности, для самого Рима)⁴.

* * *

Культурно-духовное насилие, которое предполагает покорение индивида, приобретает еще более драматичные размеры, если ему предшествует такой жестокий вид физического и психологического угнетения, каковым является война. Анализ обстоятельств покорения народа, следующего за военным поражением, открывает возможности для размышлений о той специфике социально-политических отношений, на которую оказывают влияние побуждения и мотивации самого различного рода, например, обстоятельства, при которых произошло поражение, логика победителей, мотивы военного противоборства или, наконец, стратегии, проистекающие из триумфа. Речь идет, таким образом, о серии факторов, способствующих выяснению вопроса о том, почему в одних случаях поведение победителей являлось отличным от других и почему оно было дифференцированным с учетом, например, возраста или пола побежденных.

² Краткие, но справедливые замечания о том, как воспринимается факт покорения народа в результате войны, см. *Rihll T. War, slavery and settlement in early Greece* / Ed. J. Rich, G. Shipley. *War and Society in the Greek World*. L.-N.Y., 1995. P. 77 ff.

³ Известна таксономия, специально разработанная для суицида и сознательно спровоцированной смерти. Эта таксономия достаточно наглядна в свете тематики, которая привлекает наше внимание. См. *Hooff A.J.L. van. From Autothanasia to Suicide. Self-Kill in Classical Antiquity*. L.-N.Y., 1990. P. 85 ff.

⁴ В этом смысле интересна работа: *Evans J.K. War, women and children in Ancient Rome*. L.-N.Y., 1991, в которой указанные в названии категории лиц анализируются с точки зрения жертв военных конфликтов, но не как субъекты, поставленные в отношения зависимости вследствие войны. А именно этот ракурс интересует нас.

Исторический момент, избранный для осуществления анализа подобного рода, – это длительный период от начала второй Пунической войны и до конца завоевания. На протяжении этого периода римские войска вступают в контакты с местными обществами, находившимися на разном уровне историко-культурного развития. В результате к естественным переменам в их жизни добавляются другие, не менее значимые изменения, которые оказывают влияние на социально-экономическую разбалансировку парадигмы поведения противоборствующих сторон.

Из такого подхода вытекает наша гипотеза, которая – несмотря на кажущуюся ясность – нуждается в обосновании: взаимодействие с побежденными серьезным образом обуславливается производственными отношениями в лагере победителей. Так, многие туземные народы, чья экономика базировалась на сельском хозяйстве и домашнем характере производства, не находили лучшей участи для военнопленных, кроме как их убийство⁵. И это происходило не оттого, что их жестокость была выше той, которая была свойственна цивилизованным народам, а потому, что интеграция побежденных в их производственную систему была невозможной. Исходя из этого, для античных авторов нередко не имело принципиального значения, каким образом победители-aborигены избавлялись от противника, хотя они и указывают, что сублимация триумфа часто вела к принесению пленника в жертву богам. О существовании такой практики у лужитан со всей очевидностью свидетельствует Страбон (III. 3–6): «У них в обычае гадания по человеческим внутренностям пленников, которых они сначала закутывают в плащи, затем, когда жрец-гаруслик поражает жертву во внутренности, гадают прежде всего по падению тела жертвы»⁶.

Ритуальная экзекуция противника не являлась исключительно лужитанской традицией: Страбон (III. 3. 7) связывает ее и с религиозной практикой северных горцев (Пиренейского полуострова. – *Прим. переводчика*), указывая, что они посвящали Аресу (предположительно, богу Косу, отождествляемому Страбоном с Аресом) молодого козла, военнопленных и коней. Однако было бы крайним упрощением считать, что человеческие жертвоприношения объясняются исключительно необходимостью избавления от взятых в плен врагов. В действительности посвящение человеческой жизни богам имело множество идеологических и социальных узлов, связанных с образом жизни и способом его восприятия не только «варварскими», но и «цивилизованными» обществами, и порождавших среди интеллектуалов споры, которые своей сутью иногда волновали и их чувствительность (например, см. Liv. XXII. 57. 1–7 – относительно человеческих жертвоприношений, осуществленных римлянами в 216 г. до н.э. Автор связывает этот обряд с религиозными практиками эллинов и, в частности, Дельф)⁷. Ве-

⁵ Например, см. *Diod. XXXI. 42.*

⁶ Эта же традиция засвидетельствована и среди галлов (например, см. *Strabo. IV. 4. 5; Diod. V. 31. 1.*)

⁷ Изучению этого феномена посвящены многочисленные исследования, достаточно вспомнить: *Dumézil G. La religion romaine archaïque. P., 1966. P. 435–437; Clavel-Lévêque M. Les Gaules et les Gaulois: pour une analyse du fonctionnement de la «Géographie» de Strabon // DHA. 1974. 1. P. 75–94; eadem. Religion, culture, identité. Mais où sont les druides d'antan...? // DHA. 1985. 11. P. 557–604; Zecchini G. I druidi e l'opposizione dei Celti a Roma. Milan, 1984. P. 35–39. О длительности существования этого обряда, нашедшего развитие в виде ритуальных игр, см. *Clavel-Lévêque M. Rituels de mort et consommation de gladiateurs: images de domination et pratiques imperialistes de reproduction / Hommages à L. Lerat. I. P., 1984. P. 189–208.**

роятно, один из наиболее пугающих примеров, в которых со всей убедительностью выражено отвращение к этому типу действий и которые одновременно фиксируют безмерную пропасть между цивилизованным и варварским мирами, содержится в рассказе Ливия о катастрофе, разразившейся с вновь избранным консулом Постумием во время войны с бойями: «Постумий пал, сражаясь из последних сил, только бы не попасть в плен. Бойи с ликованием внесли его доспехи в наиболее почитаемый у них храм; с отрубленной головы счистили все мясо и по обычаю своему оправили череп в золото; из него, как из священного сосуда, совершали по праздникам возлияния и пили, как из чаши, жрецы и предстоятели храма» (Liv. XXIII. 24. 11–12)⁸.

В свою очередь римляне обращением повергнутого неприятеля в рабство достигали наивысшего удовлетворения от затраченных ради победы усилий: они лишали противника его территории⁹, продавали население и сеяли страх, необходимый для того, чтобы соседние народы сдавались *in fides* и чтобы успех высвечивал победителям новые горизонты и программировал гораздо более низкую цену предстоящим победам. С точки зрения как римлян, так и многих туземцев, существовала лишь одна худшая, чем порабощение, ситуация – это смерть. Ужас, который вызывала насильственная смерть, служил необходимым стимулом для того, чтобы проучить народы и заставить их сдаться без сопротивления. Таким образом, то, что на первый взгляд казалось малорентабельным (жертвоприношение побежденного), впоследствии могло принести наибольшие результаты для победителей¹⁰. Поэтому в наших источниках часты сцены уничтожения противника. Традицией засвидетельствованы и другие, пожалуй, еще более жестокие акции: их осуществляли туземцы по отношению к римлянам, а они, в свою очередь, включили их в собственный опыт. Речь идет об ампутации у воина рук, что являлось ни чем иным, как отсроченной смертью, так как тот, кто не умирал немедленно от потери крови, умирал позже от сепсиса и инфекций, а те немногие калеки, которые выживали, были обречены стать маргиналами, лишеными какой-либо опоры и поддержки¹¹.

⁸ «...all warfare involves sociopolitical suspensions of the ethical, whereby the otherness of the enemy is radically accentuated, a situation that permits and legitimates their victimization. War is, in truth, that situation in which the killing of other people on a grand (or even total) scale is rendered not only licit but requisite, even glorious, by virtue of the fact that those others belong to a rival group to whom ethical norms do not extend, they having been effectively defined as subhuman or even nonhuman» (*Lincoln B. Death, War, and Sacrifice. Studies in Ideology and Practice. Chicago, 1991*). Более конкретно см. в главах 13 («Sacrificial Ideology and Indo-European Society») и 14 («The Druids and Human Sacrifice»).

⁹ Относительно территориальных конфискаций у галлов см. *Clavel-Lévêque M. Puzzle Gaulois. Les Gaules en Mémoire. Images. Textes. Histoire. Besançon–Paris, 1989. P. 221 sqq.*

¹⁰ Страх насильственной смерти находит точный коррелят в сюжете сказок и басен, как авторских, так и безымянных. Это сформулировал Х. Каскаjero (см. *Cascajero J. Lucha de clases e ideología: introducción al estudio de la fábula esópica como fuente histórica // Gerion. 1991. 9. P. 11–58; idem. Lucha de clases e ideología: aproximación temática a las colecciones no contenidas en las colecciones anónimas // Gerion. 1992. 10. P. 24–53*). Заинтересовавшийся этой темой может найти соответствующие подборки сказок на с. 52 первой из цитированных работ и на с. 59 – второй. Противоположный исход ассоциируется, естественно, с добровольной смертью – предметом исследования А. ван Хоофа (*From Autothanasia to Suicide... Passim*).

¹¹ *Strabo. III. 3. 6: «[лузитаны] отрезают руки у пленников и приносят правые в жертву богам»*. О том, что римляне усвоили этот обычай, можно прочесть у Фронтинана (IV. 1. 42) или Диона Кассия (Fr. 75).

У покоренных римским империализмом народов средства для того, чтобы переломить уготованную им судьбу, были достаточно скудными. Фактически они сводились к просьбам о помиловании (римляне воспринимали их обычно с издевками и глумлением) или к смерти. Драматизация этого второго варианта очень характерна для античной историографии, подчеркивавшей таким способом примитивизм варваров, в отличие от которых римляне подчиняли свое поведение специально разработанным для подобных ситуаций правилам «военного искусства». Однако не все смерти были одинаковы, так что античные авторы – в соответствии со своими намерениями – выделяли их разные виды. Во-первых, следует различать суицид и убийство; для обоих этих видов в наших источниках существуют соответствующие примеры.

Один случай, привлекающий внимание своей необычностью как совмещающий оба способа ухода из жизни, приведен Диодором. Автор сообщает, что один совсем маленький мальчик убивает своих сестер и затем погибает от истощения¹². Этот способ требовал гораздо большего мужества, чем другие, ставшие известными, в частности, благодаря Страбону (III. 4. 17): «...во время Кантабрийской войны матери убивали своих детей, прежде чем их захватывали в плен; и даже маленький мальчик, по приказанию отца захватив меч, убил взятых в плен и закованных в цепи своих родителей и всех братьев; и женщина умертвила своих товарищей-пленников; какой-то кантабр, когда его призвали к пьяным солдатам, сам бросился в огонь. Эти нравы были свойственны также кельтским, фракийским и скифским племенам».

Это сообщение Страбона повторяется с теми или иными деталями в качестве своего рода топоса (предназначенного, видимо, для восхваления любви к свободе) Аппианом. Он утверждает, что бракары были очень воинственны и что они предпочитали убивать своих женщин и детей собственными руками вместо того, чтобы отдавать их в рабство (в частности, см. App. Ib. 33¹³). Диодор (XXV. 15) сообщает, что при взятии Ганнибалом Сагунта женщины, совершив убийство своих детей, повесились сами. Факты такого рода предполагали, помимо прочего, и сокращение добычи, на приобретение которой рассчитывали победители. Рассказ Ливия (XXVIII. 22. 2–23. 5) о взятии Астапы (ср. App. Ib. 33) окрашен в драматические тона, которые по силе воздействия вполне сопоставимы с впечатлениями от наиболее часто вспоминаемых героических подвигов.

Смысл этих сведений можно дешифровать, если вслед за античными авторами принять во внимание, что речь идет об отчаянном стремлении иберов к свободе, достижению которой, однако, мешала присущая варварам дезорганизованность. Таким образом, в факте позитивного признания храбрости и отваги закодирована и «негативная» информация, которая идентифицирует варвара с беспокойным и крайне неудобным оппонентом римской системы ценностей и интересов. Нет сомнения, что при выделении странностей поведения другого становится возможным то отчуждение, которое порождает особую симпатию к своему миру и отказ от чужого как чуждого; а так как в риторических упражнениях любой пример служит поставленной цели, то обратимся к Страбону (III.

¹² См. *Diod. XXXIV–XXXV*. Этот пример использован А. ван Хооффом (*From Autothanasia to Suicide...* P. 46, 111), в то же время автор обходит молчанием, например, случай потопления рабами того судна, на котором их перевозили.

¹³ Здесь и далее переводы даются по изданию: *Аппиан Александрийский. Иберийско-пунийские войны (Иберика) / Перевод С.П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 2. С. 265–300.*

4. 18): «Что касается безрассудства, отчаянности кантабров, то приводят такой пример: несколько пленников-кантабров, расшитых на крестах, запели победную песнь».

Такой ремаркой безграничное достоинство превращается в трудно переносимую неумеренность. Ее крайним воплощением является варварская женщина – символ опасности, порождаемой скрытой жестокостью, способной посягнуть даже на естественный, природный порядок. Фактически варварка идентифицируется с идеей ниспровержения установленного порядка, и это объясняется ее участием в войне, производстве и обряде кувады, когда она, завершив роды, давала отдых не себе, а мужчине¹⁴.

Когда для победы над римской военной машиной испанцам одной храбрости было недостаточно, они привлекали самые различные методы, лишь бы избежать порабощения. Обычно эти методы сводились к разным видам предания смерти. Помимо применения для этой цели оружия, Страбон сообщает, что «иберийским является также обычай постоянно держать при себе наготове на всякий случай безболезненный яд, который они добывают из травы, очень похожей на сельдерей; далее, у них принято посвящать свою жизнь тем, с кем их связывают узы дружбы, и даже самим умереть за них» (Strabo. III. 4. 18). По-видимому, здесь речь идет об обряде *devotio*, который практиковался, правда, не так часто, как это принято считать, например, на основании случая с варваром, убившим Гасдрубала за то, что он подверг смерти его господина (Liv. XXI. 2.6); Аппиан называет этого мстителя рабом (Ib. 8)¹⁵.

Реакция на порабощение не всегда оказывалась немедленной, хотя можно привести много примеров для понимания того, насколько варвар был подвержен духу и жажде свободы. Иногда обстоятельства могли сломить волю пленных, и в силу их апатии или отсутствия у них организации их погружали на корабли и отправляли на невольничьи рынки, где судьба открывала им новые горизонты. В действительности большая часть противников Рима оказывалась покоренной именно таким способом и использовалась для укрепления производственной системы империи. Однако в отдельных случаях пленники оказывались в состоянии реагировать даже в тот момент, «когда жребий уже был брошен». Последователи Тангина в Нумантийской войне были захвачены в плен, но многие из них предпочли смерть, чтобы избежать унижения, другие убили своих покупателей, а иные во время плавания просверливали отверстия в ко-

¹⁴ Об обычаях инверсии (*inversio*) на севере (Пиренейского полуострова. – Прим. переводчика) см. также Just. XLIV. 3. Важно принять во внимание тонкий анализ проблемы, предпринятый М. Клавель-Левек (*Clavel-Lévêque M. Codage, norme, marginalité, exclusion. Le guerrier, la pléreuse et la forte femme dans la barbarie gauloise // DHA. 1996. 22. P. 223–251; в частности, см. с. 227*). По моему мнению, кувада является формой ритуализации факта признания отцовства за партнером по куваде, демонстрируемого матерью младенца. Давая ему отдохновение, женщина смиренно соглашается с тем, что отец ребенка – это благодетель, нуждающийся в восстановлении сил. Таким образом, обряд кувады свидетельствует не о слабости мужчины и силе женщины-северянки, а о господстве маскулинной социоэкономической системы, которая факту неясности отцовства противопоставляет крайне оскорбительный ритуал женского подчинения и почитания мужчины.

¹⁵ Часто допускается, что эта практика была чисто испанской. Однако при этом забывается о многочисленных случаях подобного рода, имевших место в греческом и римском мире вплоть до гораздо более позднего времени. См. *Hooff. From Autothanasia to Suicide... P. 126 ff.*, а также *Versnel H.S. Two Types of Roman Devotio // Mnemosyne. 1976. 29. P. 364–410*.

раблях, на которых их перевозили, и таким образом тонули (App. Ib. 77). В силу своей широкой известности заслуживает безусловного упоминания факт коллективного самоубийства сагунтийцев, ставшего образцом экзотической смерти, свойственной варварскому максимализму и экзальтации и повторенной индиями, изауриями, сидонянами, виктомеланами¹⁶. Столь героические поступки не могли покончить с системой, но они облегчали те страдания, которыми несчастных была готова наградить цивилизация. Подобные случаи оправдывали существование тех рассказов, по-видимому, преувеличенных, в которых униженная жертва, находясь на пределе возможностей, оказывалась способной пожертвовать жизнью, если этим поступком она добивалась смерти того, кто подвергал ее пыткам и мучениям¹⁷.

Однако известны случаи, когда столь решительные меры не использовались. Люди покидали собственную землю, оставляя при этом имущество в руках врага, и пытались найти пристанище у тех, кто мог его предоставить. Реакция римлян на такое поведение варьировалась в зависимости от конъюнктуры войны, однако, достаточно красноречив пример, сообщенный Аппианом (Ib. 75) в связи с капитуляцией Талабриги (Авейро). Брут потребовал передачи римских перебежчиков, которых, – как и в Нуманции во время пребывания там Помпея (App. Ib. 79), – были приняты туземцами и даже сражались на их стороне; кроме того, он приказал вернуть пленных, которых захватили талабриганцы, и сложить оружие. Безоружным мужчинам он велел покинуть город вместе с женами и детьми. Однако впоследствии Галлаик пересмотрел ситуацию, посчитав, что умеренно-мягкое поведение облегчит ему продвижение на север, так как уменьшит сопротивление на местах. Поэтому он решил дать изгнанникам право на возвращение, и по прямым последствиям этот акт, несомненно, явился наиболее эффективным.

ФОРМЫ ПОДЧИНЕНИЯ ПОБЕЖДЕННОГО ПРОТИВНИКА

Победа выражалась посредством присвоения имущества побежденного и его собственной жизни. Действительно, в менталитете римлян отсутствовало известное современному человеку различие между имуществом и человеческой жизнью, поскольку варвар ценился не больше, чем его собственность и в рабовладельческой экономике он был не более, чем орудием производства. Его собственники могли делать с ним все, что считали целесообразным, для них не существовало различий в использовании земли, движимого имущества или людей. Победитель мог физически уничтожить противника, включить его в войско, взять в заложники, обложить штрафами и поборами, заставить оплатить военные убытки, обратить в раба, присвоить себе его землю, продать его имущество, но также мог проявить мнимое милосердие, когда/если хотел превратить благоволение в наиболее изощренный инструмент господства.

¹⁶ См. Hooff. From Autothanasia to Suicide... P. 57.

¹⁷ Это соображение было высказано Х. Каскаjero, и этот же автор напомнил мне о тех безымянных рассказах, судя по которым, моряк мог с особым удовлетворением принять смерть, если видел, как от удущья погиб его недруг; тунец мог погибнуть, выпрыгнув из воды, чтобы вызвать одновременную агонию атакующего его дельфина; змее было легче оказаться раздавленной телогой вместе с мучающей ее своим жалом осой. См. Cascajero. Lucha de clases e ideología... P. 37.

После взятия Сагунта Ганнибал предал казни оставшуюся в живых часть взрослого населения и превратил город в колонию. Нет сомнения, что сагунтийский вариант расправы должен был стать назидательным в планах карфагенского предводителя, т.к. город оказался ему откровенно враждебным, готовым превратиться в самый эпицентр борьбы между пунийцами и римлянами. Ни в одном другом регионе не конкурировало между собой столько факторов, благоприятствовавших зверской расправе, которая могла бы понадобиться для пресечения попыток отложения, способных проявиться самым непредвиденным образом в какой-либо перспективе. То же самое необходимо иметь в виду в связи с действиями Сципиона в Иллирии, когда все жители подряд, и дети, и женщины, оказались жертвами его гнева, вызванного их преднамеренным предательством (App. Ib. 32). Выделив особо детей и женщин, Аппиан указал тем самым на аморальность поведения римского полководца, так как предпринятое им дело – экспансия *romanitas* – не могло осуществляться посредством систематического уничтожения противника. Оправдание завоевания базировалось фактически на пропаганде идеи о целесообразности интеграции варваров в *romanitas*.

Лишь гнев и доходность военного террора могут объяснить бесчеловечный жест образцового генерала, который, как известно, даже при осаде Кастакса вел себя довольно благородно (см. App. Ib. 32; о положительной оценке образа Сципиона также см. Diod. XXVI. 21; Liv. XXVI. 49–50). Приведенный выше пассаж Аппиана по своему содержанию может быть связан, несмотря на искажения автором имен, с Ливиевым рассказом о взятии Илитургиса и Кастуллона (Liv. XXVIII. 19. 1 sqq.). В пассаже Ливия содержится одно из наиболее серьезных обоснований того наказания, которому должны были быть подвернуты предатели-илитургийцы: «Испанцы заперли перед вами (римлянами. – Прим. переводчика) ворота и тем показали, что им есть чего бояться; сражаться с ними будем ожесточеннее, чем с карфагенянами; мы на карфагенян не в гневе и сражаемся с ними за славу и власть, илитургийцев же наказываем за вероломство, жестокость и злодейство. Наступил момент отомстить за гнусное избиение наших соратников и за ловушку, в которую они попали, занесенные сюда бегством. Пусть останется в веках суровый пример, чтобы никто никогда, ни при каких обстоятельствах, не осмелился обидеть римского гражданина или воина, даже униженного судьбой» (Liv. XXVIII. 19. 6–9).

Вследствие этого выступления Сципиона поведение римских солдат стало зверским, на что указал тот же Ливий (XXVIII. 20. 6–7): «Город явно осаждали гнев и ненависть: никого не брали в плен, никто и не вспомнил о добыче, хотя все было открыто настежь; убивали подряд всех: вооруженных и безоружных, женщин и мужчин; свирепый гнев не угашали даже младенцы. Поджигали дома, разрушали то, что не горело; уничтожить следы города, стереть даже память о нем – вот чего хотелось римлянам». Что касается Кастуллона (это, безусловно, Кастакс, упоминаемый Аппианом), то эта «победа была не такой кровавой: и вина кастуллонцев была не столь велика, и добровольная сдача смягчила гнев победителей» (Liv. XXVIII. 20. 12).

Таким образом, совпадение оценок Аппиана и Ливия является полным, и у обоих авторов нашла отражение идея о крайней необходимости наказания, осуществленного римлянами, которые, теряя все в конкретной ситуации, гарантировали себе таким образом наибольший успех и добычу в будущем. В других

случаях для гарантии успеха предприятия использовались комбинированные меры. Одним из римских военачальников, который во время пребывания в Испании причинил огромный вред самому Риму, был Лукулл, хотя очевидно, что ущерб, нанесенный им испанцам, был еще более серьезным. Аппиан в рассказе о событиях в Кауке (App. Ib. 52) сообщает, что он взял заложников, в силу чего старейшины ваккеев, накануне посетившие его в готовности сделать все, «чтобы заслужить его дружбу», могли счесть, что наихудшее зло для их города уже миновало. Тем более что по приказу Лукулла ваккеи выдали ему 100 талантов серебра и выделили всадников для участия в его походах. Однако безнравственность римлянина коренилась в уверенности, что заложники ни в коей мере не обеспечивали целостности и покорности города, – а ведь именно таковым был истинный мотив их захвата, и Лукулл не только потребовал принятия ваккеями Кауки римского гарнизона, но и вошел в город с 2000 отборных воинов и истребил поголовно все его население, «не пощадив ни пола, ни возраста». Лишь немногим из 20000 человек, находившихся в городе, удалось бежать. Убийство противника было необходимо Лукуллу и для того, чтобы избежать возмездия, которое последовало бы за исполнением плана, задуманного им без какого-либо стыда и включавшего захват такой добычи, которая способствовала бы его личному обогащению.

После победы Сципиона в Нуманции убийства становятся нормой, поскольку ресурсы, доступные для эксплуатации в этой области, были скудными вследствие их систематического уничтожения, и страдания римских войск могли быть компенсированы лишь политикой мщения. С другой стороны, уместно предположить, что рынок был с избытком переполнен кельтиберами, ибо иначе было бы трудно понять, почему Тит Дидий убил 20000 аруаков (App. Ib. 99) и большое количество жителей Коленды (ibid. 100), почему Флакк убил 20000 кельтиберов и казнил зачинщиков жестокой расправы, учиненной жителями города Бельгеды над своими сенаторами за их колебания в деле организации отпора римлянам (ibid.), и т.д.

Ранее Сципион намекнул на иной вариант: взамен немедленному уничтожению – ампутация руки. Свиристость экзекуции может быть осмыслена лишь в терминах безмерной жесткости, осложнявшейся порой еще и какими-либо конкретными обстоятельствами, которые – в силу характера информации – нам не известны. С такого рода обстоятельствам сопряжен, вероятно, случай с Коннабой, предводителем разбойников, который добровольно сдался Фабию Максиму Сервилиану и был прощен (App. Ib. 68). Возможно, что между римским полководцем и бандитом существовал какой-либо тип договора, поскольку всем со товарищам Коннабы были отрублены руки, в то время как сам он, главарь, избежал этого и даже остался на свободе. Смысл состоял, конечно, в стремлении покончить с любым типом повстанческих выступлений или нарушения порядка, однако прощение, данное Коннабе, как кажется, преследовало явно двойную цель – наградить его за предательство и сделать этот поступок показательным для бандитов, также занимавшихся грабежом и разбоем. С другой стороны, в конце Нумантийской войны город Лютия передает римлянам 400 юношей из числа сторонников нумантийцев, которым Сципион велел отрубить руки (App. Ib. 94). Военные перипетии служат еще одной причиной жестокости наказаний; по мнению римского военачальника, необходимость быстрого завершения войны требовала столь решительных мер, которые, безусловно, ослабляли союзы аруаков, хотя одновременно предполагали и гибель людей, которых можно было бы обратить в рабство или включить в состав войска.

О военной эксплуатации побежденного противника можно говорить на основании Страбона, который утверждает, что галлы не одарены способностью ведения боя и что, поскольку они более сильные всадники, чем пехотинцы, то из них рекрутируется лучшая конница римлян. В ряде случаев варваров включали даже в число прямой свиты римского военачальника, что свидетельствует не только о том, до какой степени покоренный может интегрироваться в войско, но и о тактике социального разделения заложников, часть которых включалась в состав *apici* римлян.

Такое явление должно было быть распространенным в эпоху завоевания Испании, особенно если принять во внимание длительную традицию службы испанцев в иноземных войсках. Практика включения туземцев в римские войска начинается фактически со времени появления римлян на Пиренейском полуострове. Это произошло, в частности, и с рекрутированием Гнеем Корнелием Сципионом своих вспомогательных когорт (Liv. XXI. 60. 4). С тех пор участие испанцев стало постоянным и продлилось до времени полного усмирения полуострова.

Другая форма интеграции осуществлялась не обращением в полную зависимость, а путем контракции, широко известной среди испанцев и хорошо ими принимавшейся. Любопытно, что до Ливия докатилось эхо упоминаний о первом случае включения римлянами наемников в свои войска; они были объединены в группы по возрастному цензу: «В Испании не произошло ничего достопамятного; только римские военачальники призвали к себе юношей-кельтиберов, пообещав платить им такое же жалование, за которое они договорились с карфагенянами; и послали более трехсот знатнейших испанцев в Италию отговорить соплеменников, служивших у Ганнибала, от службы в его вспомогательных войсках. Это единственное, что стоит отметить в испанских событиях того года, – ведь прежде у римлян никогда не бывало в лагере никаких наемных воинов» (Liv. XXIV. 49. 7–8).

Однако в мои намерения не входит разговор об этих событиях, прекрасно известных к тому же благодаря работам Х.М. Рольдана¹⁸. Хочу лишь подчеркнуть, что этот способ покорения, присущий любой форме интеграции противника в войско, касался лишь мужчин призывного возраста и что во многих случаях он являлся более положительным, чем то, что побежденному неприятелю могла предложить судьба. Необходимо отметить особо, что лишь немногие из покоренных получали эту привилегию, так как большая часть испанцев включалась в римское войско на основе союзничества, а не как следствие военной конфронтации. Однако союзы и договоренности с легкостью нарушались, и во избежание этого было необходимо применять всяческие меры предосторожности, как, например, взятие заложников.

ЗАЛОЖНИЧЕСТВО И ЗАЛОЖНИКИ

Часто военные или политические условия вели римских военачальников к применению заложничества – специфического способа лишения свободы,

¹⁸ Например, см. *Roldán J.M. Hispania y el ejército romano. Contribución a la historia social de la España Antigua*. Salamanca, 1974. P. 21–47; *idem. Los hispanos en el ejército romano de la época republicana*. Salamanca, 1993.

чрезвычайно распространенного в античном мире и потому предоставляющего большое количество вариантов и ситуаций¹⁹.

Тит Ливий очередной раз приводит корректные векторы римского поведения соответствующего типа: «У римлян было старинным правилом: народ, с которым не было ни скрепленного договором союза, ни дружбы на равных условиях, считать сдавшимся и замирненным, только когда он выдаст все божеское и человеческое, пришлет заложников, отдаст оружие и когда по его городам поставят римские гарнизоны» (Liv. XXVIII. 34. 7).

В 210 г. до н.э., после падения Нового Карфагена, Ливий называет в числе добычи римского полководца заложников от различных испанских народов, о которых он заботился так, как если бы они были сыновьями союзников (Liv. XXVI. 47. 4). «Здесь, -- сказал Сципион, -- заложники от всех знаменитых царей и народов»; они немедленно окажутся в вашей власти и тем самым передадут в вашу власть все, что сейчас подчинено карфагенянам» (Liv. XXVI. 43. 4)²⁰. Этот пассаж со всей ясностью показывает, что заложники, принадлежавшие противнику, – вопреки праву – не только не обретали свободы, но и становились заложниками победителя²¹. Это явствует и из текста Аппиана (Ib. 23), в котором, кстати говоря, сделано различие между заложниками иберийских племен и их пленниками: Сципион отправил последних по домам, чтобы таким образом вызвать расположение их городов (также см. Liv. XXVI. 49. 7–10; Diod. XXVI. 21)*. Уверенность в послушании иберов основывалась, безусловно, на том факте, что заложники – и нередко пленные – принадлежали к господствующим семьям туземных поселений²².

На выбор заложников влиял, наряду со знатностью происхождения, возраст. Полибий и Ливий указывают, что карфагенские заложники, захваченные в результате войны, были в возрасте от 14 до 30 лет. Есть и другие данные, например, о том, что этолийцы передали римлянам заложников 12–40-летнего возраста (Polyb. XXI. 32. 10) и что заложники Антиоха – это мужчины 18–45 лет (ibid. 43. 22; Liv. XXXVIII. 38. 15). Из аргументов, использованных С. Надье для объяснения этого «веера» возрастов, один из наиболее убедительных – это наименьшая вероятность смертности среди молодых лю-

¹⁹ Проблема заложничества в эпоху античности не заслужила пока избыточного внимания; тем не менее, можно напомнить о двух работах довольно недавнего времени, относящихся к различным эпохам античной истории: *Ndiaye S. Le recours aux otages á Rome sous la République // DHA. 1995. 21. P. 149–165; Rodríguez Cerezo T.M. Alejandro Magno y el problema de los rehenes: una aproximación // Hispania Antiqua. 1990. 14. P. 117–134.*

²⁰ Автор не может с точностью указать количество заложников. Он пишет: «У одних авторов я нахожу указание, что их было около трехсот, а у других – 3724 человека» (Liv. XXVI. 49. 1 sqq.). Полибий принимает как правдоподобное первое число (Polyb. X. 18. 3).

²¹ Представляется чрезмерным (или по крайней мере заслуживает уточнения) утверждение С. Надье о том, что цель захвата заложников «...était de désarmer politiquement et économiquement les nations dominées, en les privant d'une partie de leur *intelligentsia*» (Le recours... P. 153). С другой стороны, политика захвата и освобождения ясно выражает идею о том, что выбирающий заложников представляет римскую власть. Эта идея совпадает с тезисом А. Эмара (Aymard A. Philippe de Macédoine, otage á Thèbes // Etudes d'Histoire Ancienne. P., 1967. P. 427).

* У Аппиана речь идет о заложниках и пленниках карфагенян, захваченных у иберийских племен (Прим. ред.).

²² В случае с Сагунтом речь Абелуция, переданная Ливием, не оставляет места для сомнений о социальном происхождении заложников: «Отошли заложников к их согражданам, – говорит он Бостару. – Это обрадует и их родственников, людей знатнейших в своем отечестве, и вообще весь народ» (Liv. XXII. 22. 13).

дей²³. В рассуждениях о возрасте заложников следует принять во внимание работу римской пропагандистской машины, которая могла намеренно превозносить *humanitas* римлян, не бравших в заложники малолетних. Подобная практика действительно не носила систематического характера. Не требовались обычно и заложницы, что, возможно, объясняется двумя причинами: первая могла быть связана с вышеупомянутой идеей *humanitas*; вторая, более прагматичная – с представлением о бесполезности (непригодности) женщины в производстве. Редкие упоминания о заложницах связаны с испанками, которые удерживались в Новом Карфагене и, следовательно, были не захвачены римлянами, а «унаследованы» ими в результате победы над карфагенянами. Это были знатные женщины, которые – в лице супруги Мандония, брата царька илергетов Индибила, – пав к ногам Сципиона, заклинали его, чтобы он внушил охране, что с женщинами нужно обращаться почтительнее и внимательнее в соответствии с их статусом (Liv. XXVI. 49. 11; ср. Polyb. X. 18. 7–14), и особенно это должно относиться к девушкам – знатым, «в расцвете юности и красоты» (Liv. XXVI. 49. 13). Другой известный из традиции пример подобного типа зависимости связан с женой Эдекона, именитого иберийского вождя, жена которого и дети находились у римлян (Liv. XXVII. 17. 1–2; ср. Polyb. X. 34. 2). В целом же с этим римским обычаем контрастирует обычай карфагенян (казавшийся римлянам негативным) брать в залог женщин, и это неоднократно подчеркивается Полибием (см. Polyb. X. 35. 6; 38. 1–2, 4–5, а также ранее приведенные факты из его произведения).

Интересно отметить, что в ряде случаев римляне не брали заложниками мужчин дееспособного возраста. Это происходило, видимо, когда их наличие казалось бесполезным, что подтверждается речью Сципиона 206 г. до н.э., произнесенной после победы над Мандонием. Римский полководец обещает, что он не будет свирепствовать над невинными заложниками; что будет наказывать не безоружного, а вооруженного врага (Liv. XXVIII. 34. 9–10). Эти соображения покажутся особенно убедительными, если вспомнить о том, что с расширением Римской державы и все возрастающей неэффективностью ее социально-экономической системы правительству становилось все сложнее управлять столь непокорными и несговорчивыми людьми.

Можно думать, что с демографической точки зрения захват заложников не обязательно создавал суперпроблему для покоренного населения. Это происходило, во-первых, потому, что в случае разгрома последствия были более серьезными, чем временная потеря какой-либо части мужского населения, и, во-вторых, в силу того, что число заложников обычно было ограниченным и пропорциональным по отношению к покоренному обществу. Например, 50 заложников потребовал Лукулл от иберийского города Интеркации (App. Ib. 54), число карфагенских заложников, гарантов мира после окончания второй Пунической войны, колебалось, как сообщают источники, между 150–200 человек. 200 заложников (во главе с вождем Индуциомаром) потребовал Цезарь у галлов и еще несколько раз, в чрезвычайных обстоятельствах, он брал у них по несколько заложников из числа их элиты (например, см. Caes. B.G. V. 3–5²⁴). Несколькими

²³ *Ndiaye*. Le recours... P. 157. К ним автор добавляет также возможность использования заложников на военной службе, опровергаемую, правда, иногда иным, более юным, возрастом некоторых из них. Юный возраст заложников служил, порой, поводом, чтобы дать им образование.

²⁴ Приводится по переводу М.М. Покровского (см. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Перевод и комментарии акад. М.М. Покровского. М.–Л., 1948. С. 7–217).

же заложниками ограничился при захвате нергобригского города Хокилиса Клавдий Марцелл (App. Ib. 48); кстати, весьма скоро он вернул их на родину (ibid. 50). Немногих он потребовал в качестве заложников и от кельтиберов Плаценции (ibid. 50, 52) и т.д. Эти факты свидетельствуют о том, что число заложников, как правило, действительно было незначительным²⁵.

С. Надье справедливо утверждает, что Рим требовал заложников, чтобы быть уверенным в покорности побежденного противника, чтобы гарантировать верность союзников или во избежание их отпадения, чтобы подготовить переговоры или вести торг по вопросу о перемирии, или чтобы обеспечить клаузулы мирного договора, – в общем, в тех случаях, когда отсутствовало доверие. В среде побежденных передача заложников рассматривалась как менее унизительная и более прагматичная мера, чем, например, введение военных гарнизонов²⁶.

Меньшее количество пленных требовалось, когда заложников брали не в качестве гарантов исполнения принятых решений, а для их использования как статистов в тех грандиозных парадах, которыми Рим праздновал победоносные возвращения своих войск. К примеру, Сципион выбрал 50 нумантийцев после захвата их города для того, чтобы они прошли перед его колесницей во время триумфа (App. Ib. 98). Прекрасно известно, что для таких торжественных случаев избирались принцы, цари (вспомните тщеславие Августа, заявившего в Res Gestae (4. 3): «В моих триумфах перед моей колесницей было проведено девять царей или царских детей» (*Перевод переводчика*²⁷) или наиболее воинственные и непокорные из числа выживших в войне. Вместе с ними по *via sacra* провозили захваченное имущество.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ И ВОЗМЕЩЕНИЕ ВОЕННЫХ УБЫТКОВ

В античной традиции сохранилась немалая информация об этой форме отношений римлян с побежденными иберами. В частности, Аппиан указывает, что Сципион наложил штраф на иберийского царька Индибила, который, хотя и заключил мирный договор с римским военачальником, совершил набег на одну из подчиненных ему областей и убил 1200 римских солдат, однако, потеряв около 20000 своих, отправил к Сципиону послов с просьбой о мире. Сципион простил его, наложив на него штраф (App. Ib. 37). Племена, поддержавшие Индибила после ухода Сципиона из Иберии, также были обложены денежным штрафом, лишены права иметь оружие, отправили в Рим заложников и приняли в свои города усиленные римские гарнизоны (Ib. 38).

Еще большие наказания выпали на долю илергетов в результате последнего и бесплодного выступления Мандония. Вместе с другими *principes* сам он был предан казни, а его союзники должны были выплатить в тот год двойную подать; они отдали шестимесячный запас зерна, обмундирование для войска и почти 30 сел отправили римлянам заложников (Liv. XXIX. 3. 4–5).

Обложение податью было ходовой монетой, ибо это способствовало обеспечению войска провиантом, уменьшению вражеских запасов и утверждению идеи повиновения. Во время Кельтиберийской войны нумантийцы и термесии оказались вынужденными отдать от каждой общины по 300 заложников, 9000 пла-

²⁵ Ndiaye. Le recours... P. 156.

²⁶ Ibid. P. 162–163.

²⁷ Res Gestae Divi Augusti / Ed. C. Barini. Romae, 1937.

щей, 3000 кожаных бурдюков, 800 боевых коней и все свое оружие. Лишь когда наступил момент отдать все это добро, они начали сожалеть, что признали волю римлян. В этой связи Диодор с немалым драматизмом дает понять, что суждения, оценки ситуации и соглашения принимаются не столько семьями, сколько отдельными группами одного возраста и пола, определявшими общественное мнение: «...устыдившись принятых решений, стали критиковать и порицать друг друга, и отцы обвиняли детей, дети – отцов, женщины – своих мужей. Вернувшись, таким образом, к своим прежним решениям и не разоружившись, они возобновили войну против римлян» (Diod. XXXIII. 16. – *Перевод переводчика*²⁸).

Известно, что Сципион, прежде чем вернуться в Рим после победы в Нуманции, разделил земли ее жителей между их ближайшими соседями, провел собрания с участием других городов и общин, высказал свое порицание или наложил штраф на тех, кого нашел подозрительным (см. App. Ib. 98). Подобные меры римляне повторяли постоянно как для доказательства своего могущества, так и ради извлечения быстрой прибыли для компенсации затрат на испанские кампании.

ОБРАЩЕНИЕ В РАБСТВО

Безусловно, одним из основных источников обогащения являлись рабы. Мы имели не одну возможность говорить, почему порабощение являлось наихудшим выходом из положения для многих варваров. Угроза порабощения – это не чисто риторическое клише, которое использовалось лишь как способ убеждения противника, даже если сама акция и не следовала за ним. Так, Аппиан (Ib. 41) сообщает о том, что Катон потребовал у иберийских городов, располагавшихся в долине Эбро, увеличения количества иберийских заложников (чтобы гарантировать таким образом исполнение своего строжайшего приказа о разрушении стен их родных городов), а в случае невыполнения пригрозил жителям обращением в рабство.

То, что в варианте с Катоном не вышло за рамки угрозы (поскольку иберы, не медля, выполнили его приказ), являлось обычным способом избавления от побежденного противника. Как правило, порабощение осуществлялось посредством продажи военнопленных с торгов (см. Liv. XXIV. 42. 11). Покорение путем порабощения было весьма распространенным явлением на протяжении всего периода завоевания, что можно заключить не только из частого упоминания об этом в литературных источниках, но и из самой логики развития социальных отношений, господствовавших в Риме того времени.

Своего рода квинтэссенция тех конкретных ситуаций, которые рассмотрены по этому вопросу в данной статье, содержится в описании результатов взятия Нового Карфагена, сделанном Ливием: «Пока происходила сдача, по всему городу избивали людей, не щадя никого из встреченных взрослых. По данному сигналу избивание прекратилось; победители занялись добычей: она была огромна и разнообразна.

Свободных людей мужского пола было захвачено около десяти тысяч. Тех из них, которые были гражданами Карфагена, Сципион отпустил; он возвра-

²⁸ Здесь и далее перевод сделан по изданию: Diodorus Siculus. Works / With an English translation by G.H. Oldfather. In 12 vol. [The Loeb classical library] / Ed. T.E. Page. Vol. 11–12. L., 1957.

тил им город и все имущество, уцелевшее от войны. Было взято около 2000 ремесленников-орifices; Сципион объявил их рабами римского народа, но обещал вскоре освободить, если они будут усердно изготавливать все необходимое для войны. Много молодых жителей (*multitudinem incolarum iuvenum*), а также сильных рабов (*ac validorum servorum*) он отправил на суда, чтобы пополнить число гребцов... Кроме многочисленных жителей, в городе были испанские заложники; Сципион позаботился о них как о детях союзников» (Liv. XXVI. 46. 10–47. 1–5)²⁹.

Хочу привести еще одну вселяющую страх меру, использованную в войне с Вириатом; я имею в виду поступок Фабия Максима Сервилиана. Захватив в плен 10000 человек, он отрубил головы пятистам из них и продал в рабство остальных (App. Ib. 68). Сципион, в свою очередь, выбрал – после победы над Нуманцией – 50 нумантийцев, чтобы они прошли в его триумфе, остальных продал (App. Ib. 98), и в результате он приобрел ту наживу, которую впоследствии весьма приумножил другими видами прибыльной деятельности. Не лучшую долю имели и жители Коленды – города, захваченного Титом Дидием. Они в своем большинстве были проданы в рабство, включая женщин и детей (App. Ib. 99). Однако существовали и другие способы присвоения ресурсов.

ЗАХВАТ ЗЕМЕЛЬ

Среди экономических интересов, проистекавших из победы, разделы земли всегда должны были особенно воодушевлять военную алчность римлян. Однако захват земли не всегда приносил им непосредственную выгоду; отчуждение территории могло быть превращено в политический инструмент для укрепления опоры, ослабления противника или просто для смягчения ситуации, если она могла обернуться против интересов победителя. С одной из таких ситуаций был связан раздел земель округа Комплеги на участки среди нуждающихся, осуществленный Тиберием Гракхом после победы над этим городом (App. Ib. 43), ибо, как хорошо известно, земельный голод являлся основой нестабильности на большей части полуострова. Другой случай, когда завоеванная территория не перешла немедленно в руки римлян, – это Нуманция. Аппиан (Ib. 98) говорит, что Сципион разделил ее земли между соседними народами. Вероятно, повсеместный земельный голод в регионе – он был прекрасно отмечен Гальбой в его обращении к лузитанам (App. Ib. 59) – принудил к принятию подобной меры, внесшей свою лепту в рост стабильности в этом регионе в гораздо большей степени, чем если бы эти земли были подслены между римлянами.

РАСПРОДАЖА ИМУЩЕСТВА

Мы уже приводили случай с нергобригами, кони которых были проданы Марцеллом (App. Ib. 48). Этот поступок искусного римского полководца следует понимать не только как желание приобрести, например, дополнительные военные ресурсы, но и как хорошо рассчитанный акт, наполненный символическими коннотациями, поскольку лишение сотни пленных их боевых коней – это способ насильственного изъятия того атрибута, который идентифициро-

²⁹ Подробное описание обычного поведения римского войска при разделе добычи и лаконичный комментарий к нему сделаны Полибием (X. 15. 4).

вал этих пленников как аристократов и которых, в конечном счете, объяснял, почему именно они были избраны на роль пленников.

Часто победители, не удовлетворяясь продажей противника в рабство и разделом его земель, увеличивали свою прибыль путем махинаций с конфискованным имуществом³⁰. Однако размеры и качество добычи не всегда соответствовали их запросам, как, например, это имело место в случае с захватом иберийского городка Циссиса Гнеем Корнелием Сципионом, когда он приобрел не имевшие ценности варварское имущество и «негодных рабов» (Liv. XXI. 60. 8). Иногда, как видим, гораздо более положительным может оказаться меньшее честолюбие.

МИЛОСЕРДИЕ

Относительно частыми были случаи того, как победоносный полководец принимал решение оставить на свободе побежденных не столько в силу сочувствия к ним, сколько из расчета на последующую выгоду. Однако наиболее распространенным был комбинированный тип поведения, при котором в хорошо рассчитанных пропорциях соединялись беспримерная, неслыханная жестокость и милосердие и который полностью сгибал волю и порождал иррациональную зависимость побежденного от победителя. До прибытия римлян испанские общины испытали такой стиль поведения со стороны захватнических войск Карфагена. Показательным в этом смысле примером служит событие, описанное и происшедшее незадолго до прибытия Барки: «...Индорт, после того как собранный им отряд в 50000 человек бросился в бегство еще до начала сражения, сам спрятался за холмом и, окруженный Гамилькаром, ночью сумел бежать еще раз. Большая часть его воинов была разбита, а он сам был захвачен в плен. Гамилькар, ослепив его и подвергнув пыткам, распял его на кресте, а остальным пленным, которых было более 10000 человек, сохранил свободу. Многие города он расположил к себе путем убеждения, а другие – посредством оружия» (Diod. XXV. 10. *Перевод переводчика*).

Если судить по античной традиции, то ни одним римским военачальником периода завоевания Испании не было проявлено такого положительного отношения к иберам, как Сципионом. В частности, он, как уже указывалось, предоставил жителям Кастакса возможность добровольной передачи Риму своего города. И хотя Сципион поставил там гарнизон, но управление городом поручил одному из его граждан, пользовавшемуся хорошей репутацией (App. Ib. 32). После взятия Нового Карфагена, как отмечает Диодор, Сципион освобождением заложников показал, что часто доблесть одного-единственного человека является тем, что в конечном счете воздвигает над народами правителей (Diod. XXVI. 21).

Полибий, весьма склонный превозносить Публия Корнелия Сципиона как военачальника и политика (к примеру, об этом см. Polyb. X. 2–6), рассказывает о том, как он, большой женолюб, находясь в Иберии, из-за своего статуса полководца отказывается от одной юной прелестной девушки, приведенной к нему солдатами и предложенной ему в дар. Более того, он вернул ее отцу, посо-

³⁰ Иллюстрация содержится, в частности, у Полибия (X. 16–19), когда он в связи с описанием взятия Нового Карфагена не только излагает процедуру раздела, но отмечает те проблемы, которые она породила среди солдат, и касается тех событий, которые произошли в связи с учетом добычи.

ветовав «выдать ее замуж за кого из своих сограждан он сам пожелает» (см. Polyb. X. 19. 3–9, в частности, X. 19. 6–7³¹).

Очень взволновало иберов поведение Сципионов в 214 г. до н.э., не только вернувших Сагунт его прежним владельцам, но и совершивших тот жест милосердия и сострадания, о котором посольство сагунтийцев (в лице самого старшего из них) поведало в римском сенате: «Мы претерпели тяжчайшие бедствия, отцы-сенаторы, лишь бы до конца сохранить вам верность. О своих бедах мы не скорбим: ведь столько доброго сделали нам и вы, и ваши военачальники. Ради нас вы начали эту войну и, начав, упорно ведете ее уже четырнадцатый год; вы нередко и сами оказывались на краю гибели, и карфагеняи подвергали такой же опасности... Публий и Гней Корнелии с того дня, как прибыли в Испанию, не упустили возможности сделать что-нибудь нам на пользу, а нашим врагам во вред. Прежде всего они возвратили нам наш город; по всей Испании они разослали гонцов разыскивать наших сограждан, распроданных в рабство, и возвратили им свободу» (Liv. XXVIII. 39. 5).

Какие усилия в угоду городу, незадолго до того предавшему Сагунт печальной участи! Сколько желания сагунтийцев продемонстрировать Риму свою благодарность! И какая риторика для того, чтобы очередной раз показать, насколько лучше жить под покровительством цивилизации, чем под властью варварства!

В попытке объяснения тактики милосердия закономерно задать вопрос: всегда ли благожелательная деятельность римлян была следствием их *humanitas* или, напротив, она являлась выражением их неспособности поступить иным образом. Наши источники в большинстве случаев не позволяют оценить конъюнктуру. Таким может быть пример с Индибиллом, который получил прощение от Сципиона, хотя вместо того, чтобы признать римское господство, он подстрекал своих, как только мог. Кстати сказать, этот факт вызывает у Диодора порицание Сципиона за его мягкость (Diod. XXVI. 22).

Пример комбинации жестокости и милосердия связан с именем Лукулла, который, как уже указывалось со ссылкой на Аппиана, не желая простить предательства жителям Кауки, пообещал их старейшинам не трогать города, но взамен потребовал заложников, 100 талантов серебра, участия ваккейских всадников в его походах и принятия городом римского гарнизона. Несмотря на то что ваккеи выполнили все требования Лукулла, он ввел в Кауку свое войско и дал знак к поголовному истреблению жителей, не щадя ни возраста, ни пола. Ваккеи, «взывая к слову чести и к богам, свидетелям клясть, и понося римлян за неверность (слову) и предательство, погибали жестокой смертью. Город Лукулл разграбил и ... покрыл имя римлян позором и поношением» (App. Ib. 52).

Полибий считает, что милосердие римлян во многом было связано с их цивилизованным поведением и противопоставляет ему поступки Филиппа Македонского: «Для людей доблестных задача войны состоит не в гибели и уничтожении провинившихся, но в исправлении их и возмещении ошибок, не в том, чтобы истреблять вместе с виновными ни в чем неповинных, но скорее в том, чтобы спасти и сохранять от гибели вместе с невинными и тех, которые почитаются виновниками неправды. Дело тирана – творить зло, владычествовать с помощью страха над непокорными, быть предметом ненависти для сво-

³¹ Здесь и далее цитаты из Полибия в русском переводе приводятся по изданию: *Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. II / Перевод Ф.Г. Мищенко. СПб., 1995.*

их подданных и самому ненавидеть их. Напротив, царю свойственно творить всем добро, стяжать себе любовь добрыми делами и милосердием, руководить и управлять людьми, повинующимися ему по доброй воле» (Polyb. V. 11. 5–6).

Для завершения этого раздела представляется целесообразным напомнить о другом пассаже Полибия, в котором милосердие служит артикулирующей компонентой для таких вышеисследованных явлений, как, например, заложничество и/или военная добыча, тесным образом связанных с содержанием данной работы. При освобождении заложников Нового Карфагена Сципион захотел продемонстрировать им свое великодушие, объявив им не только о полной свободе и о возможности письменно уведомить об этом близких, но и выбрав для них из своей добычи то, что наиболее адекватно отвечало его намерениям: «...затем он наделил их довольно ценными подарками, приличными возрасту и полу каждого, которые ради этого заранее выбрал из добычи; девушкам раздавал серьги и браслеты, а юношам – кинжалы и мечи» (Polyb. X. 18. 6).

* * *

Говоря о завоевании Испании, трудно выделить такие линии поведения римлян по отношению к побежденным, которые различались бы в зависимости от возраста и пола последних, хотя очевидно, что оба эти критерия играли свою роль.

Представляется, что возможность и способность интеграции в экономическую сферу – это то, что маркирует судьбу каждой группы, хотя всегда существовали и конъюнктурные варианты. Это означает, что автохтоны не приобретали каких-либо экономических выгод от захвата в плен, так как пленные не были им необходимы в системе их производства. Римская же экономика абсорбировала то количество рабочих рук, в котором нуждались ее собственники для своего благополучия. В свете сказанного становится ясно, что казнь была весьма распространенным явлением среди туземцев не потому, что они были дикими, как считает Страбон, а оттого, что вследствие своего варварства они не ведали о выгодах отчуждения труда чужаков.

Если говорить о возрасте и поле, то старики обычно были расположены к дипломатии и поиску взаимопонимания с противником, в то время как надежду на спасение поддерживали до последнего напор и военная сила молодых. Когда все казалось потерянным безвозвратно, то только женщины становились хранительницами внутренней силы, необходимой для того, чтобы ужесточить бой³² или избежать рабской участи. Правда, весьма возможно, что факты подобного рода были созданы (в своем большинстве) риторикой, поскольку из античной традиции следует, что нередко иберийские города попадали под римское господство без проявления героизма, которое каким-либо специальным образом соответствовало бы возрасту или полу. С другой стороны, приведенные античной традицией случаи самопожертвования содержат в себе определенные черты сходства с обрядом *devotio*, который, как известно, был распространен в иберийской среде.

Что касается вопроса об обращении римлян с побежденными, то победители не оказывали уважения старикам; во всяком случае, соответствующие упоминания в источниках фактически отсутствуют. Дети появляются в античных

³² Тацит (Герм. VII–VIII) приводит примеры того, как женщины своими криками вдохновляли воинов.

произведениях лишь в случаях осуществления тотальной казни населения или его продажи в рабство по формуле: «включая даже детей». То же самое относится к женщинам. Дееспособные же мужчины подвергались угнетению в его различных формах. Наиболее распространенной была, видимо, продажа в рабство. На другой вершине треугольника было физическое уничтожение воинов и замыкался он разными формами телесного наказания, которое прибавляло к гримасам и ужасам войны насилие, поддерживавшееся государственным террором.

Ампутация конечностей и смерть – это зло, необходимое для господства над варварами. Война была неумолимым инструментом в цивилизаторской миссии римлянина, который часто лишь посредством насилия достигал интеграции варваров в *romanitas*. Между тем речь всегда велась о *bellum justum*, хорошо (можно сказать, что даже очень) исследованной современной историографией.

В конечном счете, можно утверждать, что покорение являлось цивилизующим фактором для варвара. В ряде пассажей Диодора и Страбона хорошо охарактеризовано мышление господ-покорителей относительно завоевания испанцев: «Неукротимость и дикость этих народностей явились следствием не только войн и походной жизни, но и их отдаленности ... а так как контакты с ними трудны, то они потеряли общительность и гуманность. Впрочем, в настоящее время они уже в меньшей степени отличаются этими недостатками благодаря миру и пребыванию римлян в их стране. Но те племена, которые реже общаются с римлянами, отличаются большей суровостью и дикостью...» (Strabo. III. 3. 8).

Между Страбоновыми «вчера» и «сегодня», столь блистательно освещенными М. Клавель-Левек³³, существовала эпоха перехода, на протяжении которой варвар, физически и культурно вырванный с корнем из своего мира, не сразу оказался готовым к «погружению в блага» цивилизации. Диодор выразил это так: «Большая часть пленных варваров, пока маршировала по дорогам войны, кончала жизнь самоубийством либо одни убивали других, так как они были не в состоянии перенести позора рабства.

Один малолетний ребенок обезглавил трех сестер, с которыми прибыл и которые были изнурены от усталости; так как ему самому не удалось спастись бегством, то его задержали и спросили, почему он убил своих сестер. Он ответил, что у них не осталось ничего, что заслуживало бы наказания жизнью; что касается его самого, то он, отказываясь от какой-либо еды, окончил свою жизнь голодной смертью.

Сами пленники, когда достигли предгорий своей страны, бросились наземь и целовали землю, стоная и жалуясь; они прятали родную землю в складки одежды и таким поведением довели все войско до того, что оно начало испытывать к ним сострадание и симпатию. Ведь под влиянием страстей, свойственных человеческой природе, каждый (римский солдат) почувствовал себя охваченным священным трепетом, убедившись, что даже зверские души варваров, когда слепой случай разлучает их с привычной жизнью на родине, не забывают тем не менее нежности и любви к земле, которая взрастила их» (Diod. XXXIV–XXXV. 4. *Перевод переводчика*).

Чувство родины описано Диодором весьма искренне. Однако полная обнаженность варваров (как физическая, так и духовная) эпохи римского завоева-

³³ Clavel-Lévêque M. Les Gaules et les Gaulois. P., 1974. P. 75 sqq.; eadem. Puzzle Gaulois // P. 285 sqq.

ния была необходима им (варварам) для того, чтобы они могли напрямую, с глазу на глаз и во всем своем естестве встретиться с тем, что им предлагала «цивилизация с ее выгодами и преимуществами»³⁴.

THE IBERIANS OVERTHROWN. THE ROMANS' ATTITUDE TOWARDS THE VANQUISHED PEOPLE

J. Alvar

The paper takes up a problem which has not been sufficiently studied by Spanish classical scholarship, that of the Romans' relations with the Iberians during the conquest of the Iberian Peninsula. The author examines the data of written sources on killing the enemy, on enslaving them, on hostages, taxation, taking over the enemies' land, selling their property etc., describing the peculiarities of these forms, the circumstances in which they could be resorted to and their consequences. All these aspects are analysed in order to find out whether there was a definite paradigm of conduct of the Romans during the subjugation of Spain, and if there was, what its essence was and how dynamic and efficient it turned out to be.

³⁴ При таком подходе к проблеме романизации мне не кажется второстепенной традиция изображения варвара обнаженным (и, как правило, надломленным физически и духовно) на триумфальных сооружениях города Рима и империи (например, в Сен-Реми Прованса, Сен-Бертране Комманжа, Трире, Безансоне и т.д.). Нагота варвара превосходит все пределы в воспроизведении реальности и превращает его в нарицательный образ, ведь он также испытывает холод и потребность в одежде. Таким образом, из двух вариантов изображения варвара: одетого в шкуры животных или укрытого лишь собственной – римляне неслучайно избрали второй, как символизировавший его готовность вступить на путь цивилизации. (см. *Charles-Picard G. Les trophées romains. P., 1953; Walter H. Les barbares de l'Occident Romain. Corpus des Gaules et des provinces de Germanie. Besançon-Paris, 1993*).

Перевод В.И. Козловской.